

Семнадцатое мая, воскресенье; 2037 год; комната Элиан; 8:03.

Этим дождливым воскресным утром Элиан буквально сияла от радости, а выражалось это не только в счастливой улыбке и румяности щёк, но и в её душевном спокойствии. Кажется, что вчерашние слёзы, смыли собой всю копившуюся годами печаль, принесли облегчение. Хотя, возможно, истинная причина тому — осознание своей схожести с мамочкой. Ведь теперь она чувствует, что некая её часть по-прежнему живёт вместе с ней, но не в образе Энио, а внутри неё самой. И это умозаключение сделало девочку ещё счастливей, отразившись скатившейся на подушку слезинкой.

Утерев одеялом сонные, блестящие янтарные глазки, Элиан потянулась и уставилась на свою дорожную частичку, которая сидела в своём кресле и о чём-то очень увлечённо рассказывала. Однако девочка не понимала ни слова и даже не пыталась вникнуть в суть её длинного монолога, прекрасно представляя, чему он, вероятней всего, посвящён.

«Поэтому всё это бессмысленно. Сколько бы кто не пытался...» — расслышала краем уха Элиан, когда поднялась с кровати и лениво поплелась к зеркалу. Несколько долгих секунд она внимательно всматривалась в свои смоченные слезами глаза, которые образовались не от печали, а от протяжной зевоты. Попутно девочка пыталась понять, о чём таком повествует её неугомонная дорогая частичка. Но она говорила настолько сумбурно и быстро, что Элиан ничего не оставалось, кроме как рассмеяться и сказать:

— Стоп, хватит, подожди, минуточку! Что на тебя нашло с утра пораньше? — Энио резко умолкла и обиженно хмыкнула. — Давай с самого начала и помедленней.

Энио даже не подумала продолжать, а отвернулась к стене и нахмурила брови. Однако Элиан это нисколько не расстроило, а вот темноглазая частичка разозлилась ещё больше. А пик негодования пришёлся на момент, когда девочка потянулась за щёткой для волос и принялась беззаботно расчёсывать свои спутавшиеся рыжие волосы.

— Значит вот ты как... — сказала Энио.

— Как? Я только проснулась, а ты вместо пожелания доброго утра, начала говорить, говорить... Я даже немножечко растерялась.

Энио ещё раз хмыкнула и посмотрела на Элиан, которая не только выглядела сегодня как-то иначе, но и занималась тем, чем обычно пренебрегала. Ведь ранее она всегда убирала волосы в хвост, а расчёсывала их только после ванны. Но по-настоящему её удивило вовсе не это, а отсутствие хоть каких-то мыслей у неё в голове. А они были и это выражалось в милой улыбке, но теперь к ним полностью отсутствовал доступ. Энио даже решила спросить, что случилось, однако в последний момент передумала. В конце концов, девочка явно не специально закрыла свой разум. Поэтому списала эту странность на её сонное состояние и решила вернуться к теме своего монолога.

— Знаешь, к какому выводу я сегодня ночью пришла? — сказала Энио и, дождавшись, когда Элиан посмотрит на неё, продолжила: — Несправедливо обвинять людей во всех земных горестях и несчастьях. До вчерашнего вечера я была убеждена, что только человечество повинно во всём творящемся в мире безумии. Но чем дольше я об этом думала, тем сильнее убеждалась, что это не так. Ведь истинным виновником всех бед является сама сущность мироздания.

Элиан мило захихикала, подняла высоко над головой руки и, потянувшись, сказала:

— Ты думала об этом всю ночь? Тогда я всё поняла... не то я даже удивилась на мгновение.

— Удивилась чему?

— Это неважно, — Элиан снова рассмеялась и продолжила расчёсывать волосы. — Лучше скажи, что с тобой стряслось? Ты хорошо себя чувствуешь? Почему ты так резко поменяла свою точку зрения?

— Потому что на фоне целого мира, его законов, правил и прочего — люди играют настолько незначительную роль, что становится глупо хоть в чём-то их обвинять. Они же все до единого — жертвы этого мира. Они играют по его правилам, мучая и истязая друг друга на протяжении всей своей коротенькой жизни, в завершении которой просто-напросто погибают, несмотря на свои прижизненные поступки и заслуги. Можно быть невинной маленькой девочкой и умереть от руки психопата в возрасте восьми лет, а можно быть тем самым подонком и жить обыденной жизнью до седой старости. Но конечный результат всегда один и кому из них больше повезло — вопрос дискуссионный. В конце концов смерть — это трагедия для всего живого и комедия для мироздания. Ведь на свете нет ничего вечного и прекрасного. Зато есть чудовищная асимметрия между всем положительным и отрицательным. Например, любое удовольствие мгновенно и не бывает хроническим в отличие от самой ужасной, нестерпимой боли. И это не всё, потому что даже в своей интенсивности эти чувства кардинально разнятся. Ведь умереть от боли реально, а от удовольствия ещё никто, вероятней всего, не погибал. Да и ужасные, трагические события хранятся в памяти намного дольше и красочней любого самого приятного воспоминания.

Элиан снова мило зевнула, почесала живот и с улыбкой посмотрела на Энио, которая выглядела излишне серьёзной и взволнованной. После этого насмешливого взгляда ей захотелось остановиться, но, переборов гордость, темноглазая частичка продолжила:

— Но я не об этом думала тебе рассказать. Изначально я хотела до тебя донести, что люди по своей натуре не плохи. Примеры хороших людей уйма, чего только наша с тобой тётюшка стоит. И я искренне верю, что насколько бы не был плохим человек, а стал он таким не по собственной воле. Вот, например, ты — пятнадцатилетняя девушка, которая безнаказанно убила уйму людей, не испытывая при этом раскаяния. Но действительно ли это делает тебя плохим человеком? Ведь ваша ненависть была взаимна. И если не убила бы ты, то убили тебя. А кто вас друг против друга настроил? Почему вы не могли просто посмеяться и разойтись с миром? Ты же очень добрая девочка, а почти каждого из них дома ждали такие же милые детки. Ответ прост: в сознании каждого человеческого индивида имеется нечто ужасное, что

заставляет его причинять страдания всем и каждому. И эта зараза в них зарождается с самого детства, а виной тому мироздание. Так какой смысл бороться с людьми? Это всё равно что добить жертву трагедии только из-за того, что она таковой не по своей воле является. Нужно искать способ воздействия на человечество и мироздание в целом. В противном случае этот ад никогда не закончится. Да, можно сражаться, бороться вместе с Сопротивлением, но мир именно этого от нас и дожидается. Но это так не работает. Не нужно быть гением, чтобы понять, что насилие порождает ещё большее насилие. Да и в подтверждение этих слов за плечами человечества имеется длинная и очень кровавая история. Однако что-то в головах людей блокирует осознание чего-то настолько элементарного и простого. Поэтому уже совсем скоро люди снова схлестнут мечи и прольются реки крови. А нам останется только стоять в стороне и наблюдать за этим. Либо силой избавить всех и каждого от грядущих страданий. Ведь даже если мы сломим нашего нынешнего врага, то появление нового лишь вопрос времени. И вполне вероятно, что он — новый враг — отколетя от нынешнего союзника.

— Знаешь чего? — перебила Элиан и, после секундного раздумья, продолжила: — Продолжай, потом скажу.

Энио нахмурила брови, ещё раз попыталась уловить её мысли, но когда попытка предсказуемо провалилась, сказала:

— И самое грустное во всё этом, что есть люди, искренне любящие этот мир, несмотря на все горести и печали, которые им пришлось пережить. Чего только стоит та сероглазая девочка из Сопротивления. Мироздание уже не знало как сломить её дух, сделав плохим человеком. Человеком, которым движет ненависть и жажда крови. Поэтому оно решило избавиться от неё другим образом. Но я не позволю этого сделать. Так что давай, одевайся. Не будем терять времени.

— Нет, постой, секундочку, — хихикая сказала Элиан. — Честно сказать, твои прежние речи мне нравились значительно больше. Мне даже как-то не верится, что эта девчонка так смогла на тебя повлиять. Так что я просто обязана спросить... Это точно не шутка?

— В чём ты увидела шутку?

— Ну в том, что всё сказанное тобой чушь... нелепая, глупая, совершенно идиотская, безумная чушь, которая звучит как наспех придуманное оправдание. Хотя, может быть, в этом действительно что-то есть, но оправдывать этим человеческую жестокость... То есть, если я, допустим, убью девчонку из Сопротивления и скажу, что это мир меня к этому принудил, то ты простишь меня? Ты действительно готова простить всех этих людей, которые сломали мне жизнь, аргументируя какими-то абстрактными понятиями? Что за глупости в твою... в мою... в нашу голову лезут? И ты думала об этом всю ночь? Ты серьёзно? — Энио ничего не ответила, а Элиан радостно рассмеялась, подошла к шкафу и ударила кулаком в дверцу, оставив на ней глубокую трещину. — Лучше бы ты грозила всех их убить, но это... Они убили наших родителей, глупая ты, бестолковая девчонка! Не мир убил, а они! Мы пережили самые ужасные три года в истории, а потом пришли эти подонки и казнили отца... арестовали маму. Или ты думаешь, что она до сих пор жива? Надеешься её отыскать? Ты настолько глупая? Они тогда едва не убили меня — девятилетнюю девочку... А ты в полной уверенности рассчитываешь на то, что её пожалели, оставили в живых?.. Что за...

Элиан покраснела от злости, резким движением сняла с себя ночную рубашку и грозно посмотрела на Энио.

— Извини, ты абсолютно права.

— Эта девчонка... — сказала Элиан, надевая на себя чёрное платье. — Нужно поскорее разобраться с ней, пока ты окончательно из ума не выжила. Она слишком дурно на тебя влияет. И всё бы ничего, но я боюсь, что это может отразиться на мне. И тогда я побегу к убийцам родителей, чтобы вымолить у них прощения за то, что у них уши заложило от выстрела, когда они казнили отца. Ведь они не виноваты — это мироздание подстроило.

Элиан засмеялась и подошла к зеркалу, чтобы поправить волосы. Энио всё это время не сводила с неё глаз, но сказать ничего не решалась. В конце концов она впервые видела её такой и уже успела пожалеть, что поведала ей о своих мыслях.

Закончив с волосами, девочка подошла к окну и, убедившись, что до сих пор хлещет дождь, пошла на чердак за чёрными резиновыми сапожками. Они были практически её ровесниками и ранее принадлежали маме. Поэтому она мило заулыбалась, после того как обула их и встала перед зеркалом в своей комнате. Несмотря на свой возраст, они поблёскивали гляncем в слабом свете электрической лампы. Но Элиан больше удивила не их сохранность, а то, что её ножка сидела в них как влитая.

— Смотри какие миленькие! — сказала она, по-прежнему сидящей в кресле Энио и, не дождавшись ответа, продолжила: — Ты чего, обиделась, что ли? А у меня ещё мамино пальтишко есть! Смотри-смотри!

Элиан подбежала к шкафу и достала из него чёрное пальто, которое было ей велико на пару размеров. Да и бледные, щуплые ножки казались излишне броскими на фоне чёрной одежды.

Не застёгивая его, Элиан начала кружиться по комнате и хохотать, пока не оказалась напротив письменного стола, из которого достала пропуск в административную зону. Прочитав на нём свою фамилию и имя, она сказала:

— Нуаре Элиан... Тёмное или лучше сказать Чёрное Солнце. Тётя Мария всё-таки была права. Мамочка действительно очень хорошее имя для меня выбрала. Ты так не считаешь?

Энио ничего не ответила, тогда Элиан убрала пропуск в карман пальто и, мило улынувшись, опустилась на колени возле её кресла, положив подбородок на подлокотник.

— Ну же, прекращай дуться... Сколько раз ты на меня кричала и ничего, а чуть что я на тебя прикрикнула — сразу трагедия. К тому же ты заслужила.

— Ладно, иди...

— Нет, — перебила Элиан, — Ведь ты всё ночь думала и думала... наверное, гениальный план придумала? Поэтому лучше иди ты, наслаждайся.

Энио посмотрела в блестящие глаза своей дорогой частички и почувствовала нечто неладное, что проявилось почти моментально, стоило ей только завладеть её волей.

— А-а-ай... — простонала Энио и уткнулась лицом в подлокотник. Правый кулачок настолько сильно болел, что она машинально зажала его между ног и на глазах у неё навернулись слёзы.

В этот момент раздался стук в дверь и на пороге показалась тётушка, которая не столько удивилась траурному одеянию своей дорогой племянницы, сколько её слезам.

— Что случилось?! — дрогнувшим голосом сказала она.

— Ударилась, ручкой...

— Дай посмотрю, — тётушка взяла руку Энио в свои и посмотрела на припухшие и слабо кровоточащие костяшки пальцев. При этом её собственные руки, как и рука племянницы, сильно тряслись. — Нужен лёд!

Тётушка убежала вниз, а Энио поднялась на ноги и сжала больную руку подмышкой. Чего-то подобного она не ожидала от Элиан и почувствовала, как у нее учащённо забилось сердце при мысли об этом. Только сейчас она поняла, насколько же сильно испугалась её поведения. Однако как-то более детально обдумать произошедшее не успела, так как в комнату с грохотом вбежала тётушка и принялась нежно лелеять свою плачущую племянницу. Она даже намеревалась привести к ней врача, но в итоге довольствовалась простой перевязкой и обязательным завтраком, на который Энио не рассчитывала. Однако девочке пришлось его съесть, а вырваться из-под тётиной опеки ей удалось только к полудню.

Сообщив, что она пошла к Айно, Энио захватила зонт и поспешно направилась к выходу, но в этот момент в булочную зашёл Марлоу. Он поразился не только её траурному наряду, но и покрасневшим от слёз глазам, которые вызвали в его душе бурю неконтролируемой жалости по отношению к ней. Филип был почти убеждён, что она потеряла кого-то из близких, но выказать свои соболезнования или спросить об этом в открытую не решился.

«Остановить время и бежать!» — в панике подумала про себя Энио, когда наконец осознала, насколько же невыносимо чувство смущения. Её щёки горели, а взгляд бегал по сторонам, как будто он не просто перекинулся с ней парой слов, а позвал замуж. Хотя в действительности она просто очень сильно стеснялась своего жалкого внешнего вида. Помимо прочего, Энио в этот момент вспомнила о хладнокровии Элиан, когда весьма симпатичный юноша предложил ей встречаться и это показалось для неё просто немыслимым. Однако больше всего Энио была поражена тем, насколько же сильную боль её дорогая частичка самой себе причинила.

Отделавшись от Марлоу, Энио была настолько растеряна, что не сразу раскрыла свой зонт и

неустанно хлещущий дождь не только намочил её идеально прямые пряди рыжих волос, но и помог скорее взять себя в руки. Теперь былая растерянность исчезла с её лица, а на смену ей пришла лёгкая ухмылка и едва заметная гримаса боли. Ведь забинтованная ручка продолжала очень сильно болеть. И эта боль ни в какое сравнение не шла с той, которую ей ранее приходилось испытывать. Поэтому даже сейчас она с трудом сдерживала слёзы, вызванные не только болью, но и обидой на Элиан.

«Нужно немедленно взять себя в руки», — подумала она и быстрым шагом направилась в административную зону. Волнения или тревоги Энио в данный момент не испытывала и преодолела контрольно-пропускной пункт без каких-либо проблем. Однако всё это время её сознание терзали мысли, которые были связаны не с предстоящим делом, а с дорогой частичкой. В конце концов она могла понять грубость, нежелание помогать обессиленной старушке или хоть что-либо делать для того, кто ей абсолютно безразличен. Но добровольно разбивать себе руку, чтобы насолить ей — это было за гранью её понимания. А то, что Элиан сделала это именно с такой целью — Энио была почти наверняка уверена. Она очень сильно изменилась и перемены эти не предвещали ничего хорошего. Хотя стоит ли ей из-за этого переживать? Ведь практически вся сила находится под её властью, а подобное безрассудство может иметь временный характер. Но если это не так...

Остановившись напротив ворот пансиона, Энио оглядела тёмные окна и с улыбкой посмотрела на укутанное густыми, иссиня-чёрными тучами небо. Где-то за ними прячется стоящее в зените баснословно огромное солнце. Она чувствовала его каждой клеточкой своего тела и даже ноющая боль в руке начала постепенно ослабевать, а душу охватывать радость предстоящей битвы с мирозданием, с его несправедливостью, с его непомерной жестокостью. Подобные мысли вызвали на её лице скромную улыбку, а глаза заблестели в предвкушении боя, исход которого предсказать невозможно.

— Всё, хватит... пора, — шёпотом сказала она и при помощи силового поля оттолкнула закрытые ворота. Глаза её при этом вспыхнули золотым сиянием, которое казалось настолько ярким, настолько насыщенным красками на фоне серого, почти бесцветного окружения, что даже сама Энио удивилась своему отражению в окне.

Встав напротив массивных дверей, она нажала локтем травмированной руки на кнопку звонка и принялась ждать, наблюдая за свечением своих глаз в маленьких декоративных оконцах. В это время тучи над её головой стали ещё более чёрными и разразились не только ливнем, но и оглушительным рокотом грома. Гроза в середине мая казалась немыслимой, но Энио это нисколько не смущало. Она чувствовала приток баснословной энергии, исходящей от Солнца, которая накапливалась, культивировалась в ней, делая свечение её глаз всё ярче и ярче.

Спустя несколько долгих секунд ожидания, к двери кто-то подошёл и послышался звук открывающегося замка, который прозвучал для Энио сигналом к действию. Поэтому она резко отошла в сторону и, прислонившись спиной к стене, принялась ждать, сквозь сильную боль в руке складывая зонтик. А когда дверь раскрылась, то и без того серые капли дождя обесцветились окончательно и застыли на месте, создав потрясающей красоты зрелище. Энио какое-то время с восхищением в светящихся глазах любовалась им, искренне жалея, что рядом нет Элиан. Она притаилась настолько глубоко на периферии сознания, что Энио решила даже не пытаться воззвать к ней, посчитав это действие бессмысленным.

Тяжело вздохнув, девочка вошла в открытую дверь, посмотрела на открывшего её пожилого мужчину и отбросила в сторону зонт. Стоило ему только выпасть из руки, как он в мгновение ока лишился всех красок и повис в воздухе, а слетевшие с него капельки воды, заиграли ярким светом в сумрачном помещении. Они казались малюсенькими хрустальными бусинками, из которых хотелось сделать изумительной красоты ожерелье. Но Энио было не до любования ими, так как ей хотелось поскорее узнать, чем всё это закончится. Поэтому она уверенным, целеустремлённым шагом поднялась по парадной лестнице на второй этаж.

Тем временем недавно проснувшаяся Зоя, сидела перед большим зеркалом в пижаме из голубого шёлка. Девушка опять всю ночь провела за фильмами ужасов и в данный момент была убеждена, что, заснув под утро, вновь стала главной героиней одного из них, так как молнии и оглушающий рокот грома казался для неё — как и для всех жителей города — чем-то фантастическим, нереальным. Однако ей некогда было об этом подумать, потому что после очередной ослепляюще-яркой вспышки, за ней объявилась тень в чёрном платье и распахнутом пальто.

— Не бойся... с тобой всё будет хорошо, наверное, — сказала девочка и Зоя нерешительно подняла взгляд, увидев в зеркале отражение двух до безумия ярких, светящихся золотым заревом глаз.

Энио положила ей левую ладонь на затылок и спустя несколько секунд тело Зои обмякло, и она чуть было не повалилась на пол. Но девочка в последний момент придержала её и аккуратно опустила голову девушки на туалетный столик. После чего уселась к ней на кровать и, прижав больную руку к груди, в задумчивости склонила голову.

Просидев в таком положении несколько минут, Энио усмехнулась, посмотрела на дрожащие под порывами неистового ветра окна и шёпотом сказала:

— Понятно... я так и думала, бедняжка.

Устало поднявшись с кровати, Энио подошла к двери и прислушалась к тому, как по всему городу заработала система экстренного оповещения, заслышав которую, Кёко покинула актовый зал и побежала к себе на второй этаж. Но, поднявшись по лестнице, замерла напротив грохочущих под порывами ветра дверей, ведущих на большой открытый балкон. Стена дождя была настолько плотной, что разглядеть хоть что-либо за чертой балкона было просто-напросто невозможно. Однако девочка быстро успокоилась и пришла к выводу, что ничего страшного не произошло.

— Просто сильная гроза... в мае... — с отдышкой сказала она и услышала чьи-то шаги.

Повернув голову направо, она увидела две приближающиеся к ней крохотные точки светящихся золотом глаз. И только когда за окном сверкали молнии, она могла мельком разглядеть контур человека в развивающемся пальто и коротком платье.

Расстояние между ними неумолимо сокращалось и Кёко почувствовала, как некогда спокойное

сердечко забилося с удвоенной силой, а во рту пересохло. Однако девочку пугал не сам образ надвигающейся на неё тени, а те ощущения, которые окутывали её. Ей казалось, что воздух вокруг неё наэлектризован, пропитан почти материальной энергией, которая проходит сквозь её тело и уносится вдаль, забирая с собой нечто ужасное. Это чувство было ей очень знакомо и ушло какое-то время на то, чтобы она наконец вспомнила, как в своём недавнем сне, перед ней предстал огненный шар. Исходящая от него энергия была в точности такой же, какую девочка сейчас на себе ощущала. Но прежде, чем она успела окончательно в этом убедиться — яркий свет ударил по окнам, на несколько секунд ослепив Кёко.

Когда её глаза адаптировались к свету, девочка поймала себя на мысли, что она спит и всё происходящее — сон. Ведь ещё никогда ранее коридор пансиона не освещался настолько ярким солнечным светом. Однако куда большее изумление у неё вызвало то, что образ надвигающегося человека был полностью им поглощён. Но сияние его глаз по-прежнему пробивались сквозь световую завесу, пронзая сердце девочки ужасом, кульминация которого пришлась на момент, когда в городе загрохотали взрывы и завыва воздушная тревога.

Перед глазами Кёко в красках всплыли воспоминания того далёкого трагичного дня, когда прямо у неё на глазах погибла её всем сердцем любимая мать. И этот вой, грохот и боль, снова пришли в этот город, напоминая девочке о едкой гари и железном запахе крови.

— Нет... нет, — шёпотом сказала она и, выломав силой дверь, выбежала на балкон.

Яркий свет снова на долю секунды ослепил девочку, а когда её глаза привыкли к нему — она увидела озарённый ярким полуденным солнцем город и границу бушующего шторма, которая пролежала сразу за городской стеной.

Шквал косого дождя по периметру города переливался множеством радуг, создавая потрясающей красоты явление природы. А граница этой плотной, водной стены, плавно переходила в густые чёрные тучи, подняв взгляд к которым, девочка ахнула и с трудом устояла на ногах. Ведь в небе образовался огромный иссиня-чёрный тоннель из штормовых облаков, которые на бешеной скорости закручивался по часовой стрелке, вздымаясь в небо, прямо к громадному, покрытому язвами солнцу, находившемуся перпендикулярно над её головой. Стены тоннеля при этом прорезали вспышки и змеиные языки молний, сопровождающиеся оглушающим грохотом, который она спутала со звуком рвущихся бомб.

Кёко смогла отвлечься от этого безумного зрелища только тогда, когда расслышала позади себя радостный смех.

— До чего же красиво, смотри на него, смотри! — сказала Энио и принялась кружиться вокруг растерянной, изумлённой девчонки. А после остановилась прямо посередине балкона и, вытянув к небу руки, продолжила: — Почувствуй! Почувствуй его мощь, его тепло, его любовь!

Глаза Энио настолько ярко сияли в этот момент, что Кёко было сложно задержать на них взгляд. Однако она продолжала в них всматриваться даже тогда, когда перед её глазами поплыли тёмные круги.

— Не бойся меня, — сказала Энио и не спеша приблизилась к ней. — Спасибо... благодаря тебе я многое поняла. И, надеюсь, ты меня ещё очень многому научишь.

Энио улыбнулась и положила раскрытую ладонь на грудь девочки. Она была настолько напугана и растерянна, что даже не решилась отступить назад. Вместо этого Кёко продолжила машинально всматриваться в ослепляюще-яркие глаза, пока поток невообразимой энергии не пронзил её грудь, разлившись по всему телу теплом. Это было настолько приятное, чудесное чувство, которое всего мгновение спустя сменилось неистовой болью. Тело Кёко сковало судорога, а голову запрокинуло назад, открыв её взору солнечный диск, который как в замедленной съёмке бурлил чёрными пятнами, засасывая в себя сознание девочки. Одновременно с этим из её глаз потекли слезы и она, обессилив, опустилась на колени.

Энио быстро схватила девочку за плечи и огляделась: тоннель из штормовых туч деформировался и наполовину заслонил солнце; рокот грома затих, а стена из дождя размылась, обрушив часть своей силы на город. Лишь вой сирены остался неизменным и только его сейчас слышала Кёко, плавно теряя сознание, покидая всколыхнувшееся мироздание.

Когда тело девочки окончательно обмякло, Энио присела рядом с ней и принялась с улыбкой на лице поглаживать забинтованной ручкой по её голове. Даже сквозь далёкие крики горожан, шелест дождя и завывание ветра — от Энио не смогло ускользнуть тихое, спокойное дыхание крепко спящей Кёко.

«Вот и славно», — подумала она про себя и перевела взгляд на малышку с мечом, что стояла в дверях. Её глаза застилала слёзы, а руки тряслись, но она была полна решимости сразиться с ней. Однако Энио своим добрым смехом указала ей на то, что не намерена драться, а вслух очень нежным голосом сказала:

— Иди сюда, Зайка. Помоги занести её в дом. Сейчас пойдёт дождь, а у меня рука болит.

Занеся Кёко в дом, Энио опёрлась спиной на стену и с улыбкой на лице посмотрела на трясущуюся как осиновый лист малышку. Она была в восторге от неё, потому что без каких-либо хлопот смогла проникнуть к ней в голову, узнав, что этот ребёнок действительно находился на грани того, чтобы сразиться с ней за своего павшего учителя. Даже неистовый ужас не смог поколебать её решимости. И это очень умиляло и радовало Энио.

— Она тоже в отключке, — сказала она, когда прочла мысли девочки относительно того, чтобы позвать Зою на помощь. — Не бойся... всё должно быть хорошо.

Эти слова были услышаны Ёру, которая, одетая в шикарное тёмно-серое платье, неподвижно стояла в десяти метрах от них. Энио не расслышала и не почувствовала, как она подошла, поэтому немного опешила. Однако куда более сильный эффект на девочку оказали её лишённые зрачков глаза, которые слабо светились бледным лунным сиянием.

— Я не уверена, получилось ли у меня или нет...

— Спасибо, — нежным голосом сказала Ёру и поклонилась.

Энио растерялась и ещё какое-то время не могла грамотно сформулировать свою просьбу. Однако в конце концов успокоилась и сказала:

— Недавно я познакомилась с одной девчонкой...

— Мы знаем. Мы не причиним ей вреда и постараемся помочь.

Тяжело вздохнув, Энио понурила голову и посмотрела на Кёко, голова которой покоилась на коленях малышки. В этот момент на второй этаж стали подтягиваться люди, среди которых был Илберт. Он с какой-то опаской во взгляде посмотрел на Энио, которая мило улыбнулась ему и исчезла, сверкнув напоследок освещением в доме. Напуганная толпа аж ахнула от удивления, а Зайка боязливо пискнула и посмотрела на Ёру, которая по-прежнему неподвижно стояла.

В связи с чрезвычайной ситуацией добраться до дома законным путём было невозможно, так как все контрольно-пропускные пункты были закрыты. Энио знала, что именно так всё и будет, поэтому не запускала время на протяжении всего пути до булочной, около которой сначала наткнулась на бегущего вдаль Филипа, а после на взволнованную тётушку. Она почти наверняка бежала к Айно, чтобы отвести Элиан домой. Поэтому Энио зашла за угол ближайшего к ней здания и, запустив время, как бы случайно наткнулась на неё.

Оказавшись дома, Энио всеми силами пыталась успокоить взволнованную тётушку, которая была настолько напугана, что решила даже больше не работать и закрыла булочную. Девочке стало искренне жаль её, поэтому она улеглась ей на колени и принялась рассказывать всякие милые истории из своей школьной жизни, которые зачастую были полностью выдуманы. Но зато очень эффективно погружали тётушку в атмосферу безмятежности и покоя.

Окончательно придя в себя, она вспомнила про одинокую тётю Марию, которая, должно быть, очень сильно напугана и не находит себе места. Поэтому попросила Энио никуда не уходить, а сама пошла проведать её.

Поднявшись к себе, девочка устало повалилась на кровать и ощутила прилив радости, вызванный тем, как всё удачно сложилось. Вот только уходя она позабыла про зонт, но это пустяк. Ведь куда важнее, что Энио не забыла уничтожить книгу учёта на контрольно-пропускном пункте, в которой была записана её фамилия и время пересечения границы.

К ночи небо окончательно прояснилось, пустив в лишённый света кабинет лунный свет, в лучах которого неподвижно сидела Ёру. Казалось, что время вокруг неё в ожидании чуда замерло, но это было не так. Ведь спустя минуту в дверь постучали, и девушка едва заметно вздрогнула все телом, ясно давая самой себе понять, в насколько сильном напряжении находятся её нервы.

— Добрый вечер... ночи, — сказала Зоя и вошла в кабинет. И если бы Ёру могла увидеть столь счастливую и лучезарную улыбку, которая сейчас была запечатлена на миловидном лице этой девушки, то все волнения разом покинули бы её сердце. — Мы сделали биопсию костного мозга и отправили в лабораторию на исследование... но анализ крови уже сейчас показал значительное увеличение количества лейкоцитов, что свидетельствует о нормализации его работы. И в этом я лично убедилась при помощи своей силы... Так что её жизни на данный момент абсолютно ничего не угрожает. А шансы на выздоровление около семидесяти пяти процентов.

В кабинете настала звенящая тишина, от которой даже повеяло холодом. Хотя виной тому был лунный свет, в лучах которого плясали крошечные пылинки. Зоя с улыбкой на лице наблюдала за этим безудержным танцем, ожидая того, что скажет ей девушка, из-под повязки на глазах которой показались сверкающие во мраке капельки слёз.

— Спасибо, — шёпотом сказала она.

— Не меня надо благодарить, — Зоя улыбнулась и резким движением утёрла ладонью слезинку. — Только вы учтите, что её сердцу, печени, селезёнке и вообще практически всему организму, болезнь нанесла очень серьёзный ущерб, от которого ей уже не удастся полностью оправиться. Поэтому пускай работает в штабе, тренирует ребят, но больше никаких миссий. Ведь я её знаю... Стоит ей только почувствовать себя лучше, как она сразу же побежит к вам и будет требовать отпустить её на задание. Но, пожалуйста, не идете больше на её поводу. Я очень боюсь за неё... и, хотя она очень сильная девочка, но любое осложнение может иметь очень печальные последствия...

— Я поговорю с ней.

— Но она опять начнёт верещать о том, что без неё никак и прочая ерунда. Особенно после всего произошедшего.

— Без Кёко нам и правда будет нелегко, но в бой её я больше не пущу, сама одену форму. К тому же организация выслала подмогу...

Выражение счастья на лице Зои сменилось сначала удивлением, потом растерянностью, а в завершении страхом, но она ничего не решилась сказать. Ведь почти наверняка получить какую-то дополнительную информацию о готовящихся ответных мерах ей не удастся. В конце концов уже того, что она слышала о грядущем собрании — можно считать огромной брешью в системе безопасности организации. Поэтому она попыталась скрыть тревогу, поклонилась Ёру и вышла за дверь, переведя все свои мысли на грядущий марафон фильмов ужасов, который она решила устроить в честь радостного события. И хотя большинство фильмов она уже по несколько раз пересматривала — сегодняшняя ночь будет особенной. Ведь она пригласила к себе ту юную троицу во главе с трусливой Зайчишкой. Вот только Кёко никак не сможет к ним присоединиться, так как за вечер ни разу не приходила в сознание. Она очень крепко спала, будто желая отоспаться за все прошлые бессонные ночи, которые таковыми являлись из-за постоянного ощущения тошноты и нестерпимой боли в костях и суставах.

«Звёздочки, звёздочки...» — повторяла про себя лежащая на крыше Алиса, которая любовалась ясным небом вместо того, чтобы следить за лесополосой. Она думала о неугомонной Кёко и о тоннеле из грозовых облаков, ведущем к солнцу. Однако девушка не знала ни о её болезни, ни о инциденте, свидетелями которого стала почти половина обитателей пансиона. И, о котором, к слову, было запрещено кому-то рассказывать. Для этого собрали экстренное совещание, на котором было приказано держать язык за зубами, так как всё произошедшее является военной тайной. А наказание за её нарушение соответствует законам военного времени. То есть под этим подразумевается смерть. Об этом им сообщила конспиративная сиделка Ёру, которая умеет очень красноречиво и доходчиво излагать подобные мысли. В конце концов она же политик. Поэтому узнать об этом странном инциденте Алисе было не суждено. Но зато она стала свидетелем другого редкого зрелища, которое не предвещало ничего хорошего.

Большой военно-транспортный вертолёт не спеша приближался к ней со стороны старого города. Девушка внимательно всматривалась в его красные проблесковые огни, думая о необходимости сообщить об увиденном в штаб. Хотя в этом не было особой нужды. Ведь только глухой не смог бы расслышать его приближение. Особенно, когда он облетел город вокруг и приземлился на недавно очищенную от мятых морских контейнеров площадь зоны отгрузки. Однако девушка решила всё же доложить о странной активности в штаб. И причиной тому послужил не сам вертолёт, а подъезжающий к городским воротам конвой из трёх военных грузовиков и пяти внедорожников.

В этот самый момент в одном из многоквартирных домов на границе жилой зоны и зоны отгрузки послышалась винтовочная стрельба, которая спустя всего несколько секунд затихла. В черте города редко стреляли, поэтому этот инцидент поставил на уши целый район. Однако живущий сразу напротив этой шумной квартиры пожилой человек, всё же с опаской открыл дверь и унюхал резкий запах пороха. Ему было откровенно страшно, но доброе сердце вынудило старика выйти на лестничную клетку и приблизиться к раскрытой настежь соседской двери.

Пожилый мужчина был убеждён, что в этой квартире никто не живёт, поэтому очень удивился, когда заглянул внутрь и увидел крошечную фигурку маленькой девочки в красном платье, которая стояла под свисающей с потолка мутной лампой. Поначалу он не заметил чего-либо странного. Но стоило ему только чуточку напрячь своё старческое зрение, как он смог сфокусироваться на её миленьком личике, которое было забрызгано кровью, а глаза затянуты тьмой.

Вскрикнув, старик попятился назад и перевёл взгляд на пол комнаты, по которому были разбросаны тела как минимум пяти рогатых солдат и одного офицера в фуражке.

— Боже... — прохрипел он и снова посмотрел на девочку, которая прошла мимо него босиком и вышла на улицу, оставив на полу кровавые следы от крохотных ножек. Сразу после этого его слабое обоняние уловило металлический запах крови, который как шлейф тянулся за этой пепельноволосой девчонкой.

[Конец второго тома.]

<http://tl.rulate.ru/book/35291/966797>